

Не берусь решить, какое именно отношение имел выпад Эмина в «Фемистокле» к этой истории о коршуне и о слове «жерebo», но считаю несомненным, что он имел к ней отношение; может быть, на Сумарокова за его притчу напал Ломоносов, и Эмин лишь изобразил сатирически стычку между обоими писателями. Во всяком случае об этом слове «жерebo» ходили разговоры и споры. После появления притчи «Коршун в павлиньих перьях» были нападки на нее,¹ и в ответ на них была написана притча «Коршун».² В полемике с Сумароковым по этому поводу Эмин принял участие в своем «Фемистокле» (или именно он и, может быть, только он, и был в данном случае противником Сумарокова).

Через полтора года после появления «Фемистокла» Эмина Ломоносов умер. Остался Сумароков. Эмин нападает на него опять и неоднократно. Эмин и Сумароков сделались заклятыми врагами и в жизни, в быту.

В «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766) в третьем томе, в огромном 4-м письме (от Эрнеста к Ипполиту; письмо занимает 59 страничек), говорится:

«... Есть много таких гордых людей ученых, кои обучась какой-нибудь науке, либо когда им удастся написать какую-нибудь речь, или сплести стихи, то они столько оною своею удачею гордятся, что и общество презирают, а часто оному и угрожают,

¹ Еще в «Правилах критических» Аполлоса Байбакова, вышедших впервые в 1774 г. и переизданных многократно, есть такой отклик этих нападок в разделе «О вольности в стихах»: «Остерегаться однако же надобно, дабы не положить слов каких странных, диких, нелепых. Ибо в такой излишней вольности погрешали иногда и знаменитые стихотворцы. Например н е б о, ж е р е б о — вместо ж р е б я» (изд. IV, М., 1790, стр. 84). Отмечу также, что в «Послании к Ямщикову» Фонвизина, относящемся к началу 1760-х (?) годов, имеются такие два стиха:

«О, чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора некогда тобой была жереба!»

Это место «Послания» вызвало сатирический выпад А. С. Хвостова (?) в его известном «Послании к творцу послания»:

«Особым ты пером и кистию своею,
Как яблочник писал к разнощику Матвею,
Задумал пошутить, и унтер-офицер
В минуту сделался проказ твоих пример,
Которым для ватей так счастливо жереба
Благословенная соделалась утроба...»

(П. Вяземский. Фон-Визин, СПб., 1848, стр. 332).

² Все это дает основания для хотя бы приблизительной датировки этой притчи 1760—1763 гг. На этот же ранний период написания притчи указывает и орфография притчи (Новиков, перепечатывая текст или публикуя его, всегда сохранял орфографию его оригинала) — с прописными буквами в словах «по Русски», «Рондо», «Сонет», «Баллад». . . В более поздний период творчества Сумароков все такие влопа и даже собственные имена писал со строчных букв.